

Памяти нашего Консула въ Албаніи Григорія Степановича Щербины ¹⁾

Однажды въ 1903 году въ концѣ марта я въ Почтамтской улицѣ въ Петербургѣ, сидѣлъ въ своей квартирѣ, углубившись въ дѣло составленія всеподданнѣйшаго отчета о состояніи Черниговской губерніи. при чемъ торопился окончаніемъ этого дѣла, порученнаго мнѣ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаремъ Плеве къ спѣху, несмотря на то, что мѣсяца за полтора передъ тѣмъ я, послѣ девяти лѣтъ управленія тою губерніею, сдалъ его, при чемъ полагалъ болѣе правильнымъ отнести составленіе отчета къ числу обязанностей моего замѣстителя — вновь назначеннаго губернатора.

Спокойно сидѣлъ я за писаніемъ отчета; еще большее спокойствіе мною овладѣло, когда я прочелъ принесенное мнѣ почтальономъ письмо съ турецкими марками, заклеенными штемпелемъ г. Митровицы. Авторомъ письма, какъ я сразу догадался былъ Г. С. Щербина, о которомъ мнѣ за послѣднее время имѣть извѣстій не приходилось и отъ котораго писаніе не могло доставить мнѣ ничего кромѣ спокойнаго удовольствія.

Г. С., видимо, радовался тому, что приближалось время полученія имъ отпуска для поѣздки въ родной Черниговъ.

— „Наде силъ набрать и нервы успокоить, писалъ онъ: силы слабѣютъ, а нервы порядочно разстроились, только тамъ у васъ, при совершенно спокойномъ ходѣ дѣлъ управленія, можно надѣяться возстановить то и другое. Дѣла,

1) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1916 г.

о которыхъ я вамъ такъ откровенно и съ такою массою грусти рассказывалъ, больше и больше портятся, готовые разстроиться въ конецъ; по временамъ становится совершенно жутко и тяжело знать и видѣть все совершающееся. О принятіи свыше какихъ-либо мѣръ нѣтъ помину, а обиднѣе всего то, что видишь полное содѣйствіе, оказываемое дѣлу распущенности со стороны не только коллегъ моихъ, но и сослуживцевъ: не одни иностранные консулы играютъ прямо въ руку врагамъ нашимъ, а и наши должностныя лица, русскія, слѣдуя примѣру, показываемому свыше, потакаютъ разнузданности своимъ полнымъ бездѣйствіемъ и равнодушіемъ ко всему намъ дорогому. Не дай Богъ скоро, а все же придется дожить до того, что мы убѣдимся, насколько все, еще такъ недавно казавшееся намъ дружескимъ, теперь уже полностью обратилось во вражеское; я съ твердымъ убѣжденіемъ вамъ высказываю и повторяю, что не турки или албанцы, или боснійцы погубятъ здѣсь и насъ и наше дѣло; надъ всѣмъ сидятъ и крѣпко караулятъ, — какъ бы лучше и вѣрнѣе нанести намъ ударъ, и дунайскіе швабы, и тевтоны съ береговъ Шпрее; перечисленные народцы сотворятъ лишь то, чему будутъ научены и на что науськаются зловредными нашими врагами, затаившими свои ужасные планы и держащими за пазухой острый ножъ наготовѣ противъ насъ“.

„Гсрячо извиняюсь передъ Вами въ томъ, что своими сѣтованіями нагоняю на Васъ мрачное расположеніе духа, тяжелыя мысли и не менѣе тяжелыя чувства; одно лишь обѣщаю, что это въ послѣдній разъ, — скоро я выѣду въ Черниговъ, а пріѣхавши туда, буду представлять предъ ваши очи только въ веселомъ, беззаботномъ видѣ, — не потому что хочу вооружиться тѣмъ малодушіемъ, которое можетъ подсказать легкомысленно забыть дѣло, оставленное вдали и отнестись къ нему, хотя бы на минуту, не серьезно; нѣтъ, много и серьезно размышляя объ этомъ тяжкомъ дѣлѣ, которое готово свалиться на насъ, если не теперь, то въ недалекомъ будущемъ большой бѣдой, а иногда, — въ минуту наптія на меня хорошаго расположенія духа, — позволяю себѣ думать такъ: авось получающее мои донесенія начальство еще успеетъ во-время спохватиться, можетъ быть, оно одумается и направитъ все къ оказанію самыхъ серьезныхъ препятствій дѣяніямъ столь нагло расходившихся враговъ нашихъ; съ другой стороны, думается мнѣ, быть можетъ, отчасти дѣло обстоитъ и не такъ, т.-е.

не такъ страшно, какъ я его малюю, главное же, я, ни минуты не останавливаясь на томъ, чтобы врагъ могъ бы удариться въ добросовѣстность и измѣнить свой образъ дѣйствій, наполнился полными надеждами на то, что Господь Богъ все, по отношенію къ нашему великому отечеству, тяжкое въ создавшемся здѣсь положеніи, можетъ направить совершенно иными путями, придерживаясь тѣхъ безконечныхъ, — великихъ и богатыхъ милостей, коими Онъ всегда щедро одѣляетъ святую Русь, вѣчно вѣрующую въ Его десницу“...

„Въ минуты такого размышленія я ободряюсь и окрыляюсь, уже мысленно, съ большой радостью перелетая во вѣренныя Вамъ родные края мои“...

Вотъ содержаніе письма, подъ впечатлѣніемъ котораго я радъ былъ тогда остаться на часъ — другой съ самимъ собой.

Затѣмъ немного задумался я надъ припиской, поставленной въ P. S.: „представьте себѣ, говорить въ ней Г. С. мое удивленіе: пришлось мнѣ увидѣть такъ скоро, насколько Вы были правы въ высказанныхъ Вами заключеніяхъ Вашихъ объ Конст. Петр. Побѣдоносцевѣ; полная неожиданность для меня“!

Задумался я надъ этимъ потому, что никакъ не могъ припомнить, какія были тѣ мои заключенія? До сихъ поръ я не могу себѣ отдать въ этомъ точнаго отчета и получить отвѣтъ на этотъ вопросъ, — о какомъ моемъ заключеніи идетъ рѣчь? Такъ это и останется неразрѣшеннымъ:

Но нѣчто ужасное произошло вслѣдъ затѣмъ, часа черезъ два: принесенныя мнѣ почтальономъ вмѣстѣ съ письмами газеты были мною отложены въ сторону; я рѣшилъ позаняться еще немного писаніемъ отчета, дабы наскоро закончить хоть одинъ изъ составлявшихъ его отдѣловъ и уже тогда взяться за чтеніе газетъ.

Домашніе мои всѣ очень рано развѣхались больше по учебнымъ заведеніямъ, и семья-то вся наша тогда состояла изъ лицъ школьнаго возраста и кромѣ нихъ изъ сильно болѣвшихъ, требовавшихъ больше всего сношеній съ докторами-спеціалистами, которыхъ и приходилось съ утра ожидать. Такимъ образомъ газетные листки остались лежать на моемъ письменномъ столѣ.

Можно себѣ представить, какимъ ужасомъ я былъ охваченъ, когда первая страница раскрытаго мною въ свое время номера „Новаго Времени“ натолкнула меня на такую вѣсть:

Митровица 19-го марта.

„Вчера, во время происходившихъ здѣсь безпорядковъ, солдатъ албанецъ, мусульманинъ, занимавшій постъ часового, предательски выстрѣлилъ въ проходившаго мимо него нашего консула Григорія Степановича Щербину, причемъ нанесъ ему тяжелую рану въ лѣвый бокъ на вылетъ. Фанатикъ схваченъ и арестованъ, жизнь консула находится въ большой опасности“.

Очевидно, письмо было написано и отправлено мнѣ въ Черниговъ за нѣсколько дней до катастрофы; лишь постѣя доглядѣлъ на конвертѣ ясные слѣды пересылки письма изъ Чернигова по моему Петроградскому адресу,—по новой создавшейся тогда должности моей—нач. главн. управленія почтъ и телегр. Не зная еще Г. С. о моемъ перемѣщеніи, хотя по времени, прошедшему со дня послѣдовавшей въ моей службѣ перемѣны,—съ середины января,—до него могло уже дойти извѣстіе о ней, но, какъ выяснилось потомъ, видимо среди сумбура, происходившаго въ ту пору въ Митровицкомъ районѣ, ставшемъ вдругъ крайне мятежнымъ,—далеко не до того ему было, чтобы разбираться въ этомъ.

По сообщеніямъ, появившимся тогда на столбцахъ мѣстныхъ,—турецкихъ, албанскихъ и сербскихъ,—газетъ, а впоследствии перепечатанныхъ и нѣкоторыми нашими органами печати, на пять таборовъ озвѣрѣвшихъ мусульманъ—албанцевъ, кои кинулись грабить беззащитный городъ Вучитинъ и осадили Митровицу, бросился, во главѣ православныхъ сербовъ, консулъ Щербина, явившись защитникомъ ихъ и своихъ единовѣрцевъ—сербовъ же, которыхъ разбунтовавшіеся сыны Магомета собрались поголовно перерѣзать. Онъ принялъ самое близкое и живое участіе въ оборонѣ Митровицы, при чемъ, невзирая на раздававшіеся со всѣхъ сторонъ предостереженія относительно хорошо извѣснаго и ему самому крайняго фанатизма албанцевъ и яро проявлявшейся ими мстительности,—на глазахъ у всѣхъ, явился и тотчасъ же далъ пребывавшимъ въ безумной ярости албанцамъ жестокой отпоръ, а тѣмъ самымъ показалъ стремленіе стойко заступиться за притѣвненныхъ совершенно невинно страдавшихъ христіанъ. Энергіей и

мужествомъ этого, въ свою очередь ставшаго звѣремъ, несколько не жалѣвшаго себя, молодого человѣка, вооружившагося больше всего беззавѣтно храбрымъ желаніемъ съ честью и доблестью исполнить свой долгъ,—албанцы, почувствовавъ себя поработченными, потѣснились къ отступленію; они начали было бросать оружіе, а сами стали обращаться въ утекавшую разбродную орду; на другой же день, приведенные своими военачальниками къ нѣкоторому подобію порядка начали какъ будто со смиреніемъ встрѣчать прижавшихъ и большими массами истребившихъ ихъ православныхъ сербовъ, стремившихся группироваться къ защитѣ своего консула, который успѣлъ для нихъ стать доблестнымъ вождемъ,—какъ вдругъ, видя этого консула мужественно обходившимъ ряды своихъ и чужихъ, одинъ изъ часовыхъ, дѣлая видъ, что отдаетъ ему воинскія почести проводилъ его, а затѣмъ тутъ же предательски подстрѣлилъ.

Найдется ли теперь кто-либо, кто скажетъ, что этого достойнѣйшаго слугу Царскаго убили не швабы и тевтоны? тогда, по новизнѣ всего этого, открывавшагося съ такой ясностью самимъ дорогимъ Григоріемъ Степановичемъ нельзя было и подумать объ этомъ, а какимъ яснымъ представляется теперь это совершенно увѣренное предположеніе: албанецъ, часовой, мусульманинъ несомнѣнно явился орудіемъ нашихъ друзей, науськавшихъ и подговорившихъ его при посредствѣ какого либо такого же мерзавца, какой выведенъ въ рассказѣ А. М. Колюбакина и названнаго имъ шпиономъ въ его статьѣ,—„Нѣмецъ шпионъ въ азіатскій Турціи“.

Слишкомъ не скрываясь, на виду у всѣхъ, выступалъ и дѣйствовалъ Г. С., подъ часъ обнаруживая своему начальству все то, что ему доводилось замѣчать и указывать въ дѣятельности швабовъ и тевтоновъ; такой пройдоха, какимъ являлся прожженный, каторжный Францъ Трауфе,—имъ же имя легіонъ,—не могъ не замѣтить энергичную наблюдательность нашего молодого консула, не могъ онъ отказаться отъ того, чтобы досаждать Берлину своими доносами.

- Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ Трауфе прошелъ черезъ Малую Азію и былъ случайно отмѣченъ А. М. Колюбакинымъ, какъ типъ шпиона изъ-подъ берлинской „Unter den Linden“, т.-е. съ 1886 года до дня совершеннаго албанцемъ часовымъ преступленія 1903 г., прошло семнадцать лѣтъ и

какихъ семнадцать лѣтъ! за эти годы, дѣдъ Вильгельма II-Каина, какъ и отецъ его Вильгельмъ I и Фридрихъ III, успѣли умереть, а онъ самъ Каинъ уже успѣлъ сдѣлать преступное покушеніе на то, чтобы устранить вступленіе отца его въ царствованіе; онъ также успѣлъ основательно искутиться на всевозможныхъ путяхъ преступнаго шествія своего къ созданію вражескаго намъ положенія среди преданныхъ намъ балканскихъ народцевъ, а также вполне установилъ тайкомъ измѣннической и по отношенію къ намъ вѣроломный образъ дѣйствій своихъ агентовъ, начиная съ приваца Рейсса и кончая какимъ-нибудь мерзавцемъ Трауфе.

Мы же, если что-нибудь нашимъ глазамъ и открывали такіе энергичные недремавшіе молодые люди, какимъ являлся Григорій Степановичъ Щербина—консуль,—мы все это съ полною ясностью для швабовъ и тевтоновъ и совершенно открыто передъ ними, отгоняли отъ себя все раскрывавшееся и указывавшееся намъ нашими добросовѣстными неутомимыми Царскими слугами.

Для мерзавцевъ, посылавшихся недалеко отъ нихъ ушедшими Францемъ Іосифомъ и Вильгельмомъ, явилось цѣлью и задачей снѣжное устраненіе съ пути такихъ слугъ; это устраненіе или явное стремленіе къ нему установилось, какъ послѣдствіе такихъ разглагольствованій, какія отмѣчены А. М. Колюбакинымъ на послѣдней страницѣ его сообщенія; въ этомъ сообщеніи какъ бы цитируются проповѣдныя рѣчи Франца Трауфе, распространявшагося въ пьяноразмякшемъ состояніи передъ пріютившимъ его для ночлега мѣстнымъ армянскимъ священникомъ, проявлявшимъ доброжелательство по отношенію къ европейцамъ:

„Нашъ императоръ очень любитъ армянъ, говорилъ этотъ негодяй, жалѣетъ ихъ и хочетъ освободить отъ турецкаго владычества, но для этого надо прежде всего прогнать русскихъ съ Кавказа, построить много дорогъ, устроить нѣмецкія фабрики, завести хорошее хозяйство, создать нѣмецкія колоніи. Русскіе ничему васъ не научатъ, они сами ничего не знаютъ, а казаки ихъ хуже, чѣмъ турецкіе башибузуки. Русскихъ сюда пускать не надо, вы имъ не вѣрьте“.

Такъ втихомолку, тайкомъ въ 1886 году поучалъ здѣшнее населеніе одиночный ходокъ,—посланецъ Берлина, и недаромъ его поученія были отмѣчены, повидимому, не зѣвавшимъ консуломъ нашимъ; но иначе стали поучать это населеніе тѣ же берлинскіе ходоки въ тысяча девятисотыхъ

годахъ; тогда они уже начали бродить толпами и съ большою наглостью взялись сѣять передъ тамошними инородцами то же самое. Не даромъ и теперь консулъ нашъ все отмѣтилъ; жаль, очень жаль, что отмѣченное имъ прошло для существа дѣла безъ результатовъ, а для него оказалось рѣшительно гибельнымъ, благодаря особому упорству подлежащихъ властей, которыя съ неподдающимся уясненію злостнымъ предумышленіемъ, задали себѣ легкомысленную задачу „не зрѣть“.

Конечно, консулъ 1886 года, замѣтившій быть можетъ всего одинъ разъ то, что ему довелось записать себѣ на память, иного рѣшительно ничего не могъ сдѣлать, какъ вставить въ свою записку примѣчаніе о томъ, что назвавшійся Францемъ Трауфе, выдававшій себя за мекленбургскаго уроженца, спеціалиста по бухгалтеріи, прослужившаго якобы нѣкоторое время въ Самсунскомъ (на южномъ берегу Чернаго моря) табачномъ бюро, былъ вѣроятно, говоритъ А. М. Колюбакинъ, *первымъ* германскимъ агентомъ, забравшимся сюда, но конечно не послѣднимъ. Мы же вмѣстѣ съ покойнымъ Г. С. Щербиной могли бы смѣло заключить, что этотъ Трауфе былъ безъ сомнѣнія *не первымъ* германскимъ агентомъ; ничто не мѣшало ему оказаться и не послѣднимъ. Смѣло присоединяясь къ замѣчанію, сдѣланному А. М. Колюбакинымъ дальше, мы могли бы еще сказать: надо думать, что въ германскомъ генеральномъ штабѣ имѣется обстоятельное и крайне мѣтко составленное военно-статистическое описаніе прилегающихъ къ нашему Закавказью турецкихъ, обслѣдованныхъ всесторонне вдоль и поперекъ, разныхъ областей; не безъ справедливости вставляетъ онъ къ этому свое замѣчаніе о томъ, что это описаніе такихъ господъ Трауфе явится болѣе подробнымъ и болѣе современнымъ, чѣмъ тѣ матеріалы, которыми располагаетъ великобританское правительство, гордящееся научными трудами своихъ знаменитыхъ географовъ и изслѣдователей—Раулинсона, Лейярда и другихъ.

Не мало истомились мы въ теченіе нѣсколькихъ дней ожиданія извѣстій объ исходѣ раненія, напесеннаго фанатикомъ Григорію Степановичу; телеграммы, посылавшіяся мною въ Митровицу, не приносили ничего кромѣ краткихъ печальныхъ вѣстей о томъ, что раненый въ большихъ мученіяхъ и въ безнадежномъ состояніи переживаетъ свое тяжкое болѣзненное положеніе, и лишь 29 марта было по-

лучено официальное сообщеніе о томъ, что онъ, не получивъ облегченія, продолжая до конца пребывать въ тѣхъ же мученіяхъ, скончался...

Теперь, надо полагать, для читателя сдѣлалось вполне яснымъ,—въ чемъ именно ярко проглянула причина того, что, при чтеніи статьи А. М. Колюбакина, предо мной статья и неотступно стоялъ образъ достойнѣйшаго Григорія Степановича, столь тяжело поплатившагося за предвидѣніе и за стремленіе къ обнаруженію грязныхъ дѣяній, надъ которыми дѣятельно работали подлые представители „центральныхъ державъ“, привимававшихся нами за друзей. — Вполнѣ правъ былъ А. М. Колюбакинъ, закончивъ свою статью словами:

Характерно, что работа германскаго правительства въ этомъ направленіи началась въ то время, когда на германскомъ престолѣ былъ старый Вильгельмъ, близкій родственникъ (родной дядя) и другъ Императора Александра II.

Тѣло мученика-консула было перевезено въ родной ему Черниговъ и, переданное тамъ безконечно любившимъ и цѣнившимъ его роднымъ, было, при тяжелопережитыхъ искренно оплакивавшимъ тяжкую утрату населеніемъ печальныхъ торжествахъ, предано тамъ родной ему землѣ... Миръ и вѣчный покой тебѣ, незабвенный, достойный слуга дорогого твоему сердцу святого отечества нашего!

Евг. Конст. Андреевскій.

P. S. Согласно извѣстіямъ, пришедшимъ на дняхъ изъ Чернигова, между друзьями, вспоминающими гибель, постигнуую покойнаго на служебномъ посту при *славномъ боевомъ* исполненіи имъ долга, сложилось намѣреніе почтить его доблестныя дѣянія постановкою ему памятника возлѣ зданія воспитавшей его мужской гимназій черниговской.

Это очень похоже на любвеобильный Черниговъ.

Но приведеніе въ исполненіе этого въ высокой степени симпатичнаго и похвальнаго порыва должно быть по неволѣ отложено до окончанія тяжестей, наложенныхъ на теперешнее время виною того же сумасброднаго негодяя, который въ свое время очевидно явился главнымъ виновникомъ гибели достойнѣйшаго доблестнаго слуги Царскаго.

Е. Андреевскій.

